

779
704
В. Абсѣенко

ЛЮДИ И ЖИЗНЬ

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА
1902

А

Т 79
197

В. Абсѣенко

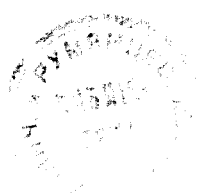
ЛЮДИ И ЖИЗНЬ

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

§1
2/III 345

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. ОУВОРИНА
1902

А

МОЛОДО-ЗЕЛЕНО

ПОВѢСТЬ.

Es ist das Weibliche die dunkle
Frage,
Die Jeden, der hinaus in's Leben
stürmt,
Als ernster Prüfst ein sich ent-
gegentürmt.
E. Schönsich-Carolath.

I.

На длинной террасѣ большого ресторана въ Монте-Карло, за столомъ, сверкавшимъ бѣлизною бѣлья и блескомъ хрусталя, обѣдало общество нашихъ соотечественниковъ. Всѣ они пріѣхали изъ Ниццы, въ коляскахъ, чтобъ насладиться великолѣпною прогулкою по гребню Corniche, отдать честь удивительной кухнѣ этого ресторана, и пройтись затѣмъ по заламъ казино, посвященнымъ рулеткѣ и trente-et-quarante. Опытный глазъ ни минуты не усомнился бы въ ихъ русскомъ происхожденіи: о немъ свидѣтельствовали синій цвѣтъ ихъ пиджачковъ, ихъ громкій разговоръ и еще болѣе громкій смѣхъ. Можно было бы указать и еще на одинъ признакъ, изъ очень несомнѣнныхъ: самый старшій по лѣтамъ въ этомъ

обществѣ вытягивалъ изъ-подъ скатерти огромныя, плоскія и широкопалыя ноги, обутыя не въ ботинки, а въ сапоги съ голенищами и въ калоши.

Этотъ господинъ, съ длиннымъ лицомъ багроваго оттенка, большимъ толстымъ носомъ, маленькими свѣтлыми глазами и давно нестриженными пасмами свѣдхъ волосъ, торчавшими изъ-подъ котелка, представлялъ по видимому центральную фигуру въ группѣ. Не то чтобы въ немъ заискивали, но немножко за нимъ ухаживали, и охотно выражали ему почтеніе. А онъ говорилъ съ слащавымъ московскимъ отгѣнкомъ, явно выпскивая отборныя, характерныя словечки, и ѣлъ неопратно, тыкая вилкой и подхватывая языкомъ съ ножа.

Звали его Василиемъ Провичемъ Спѣсивцевымъ. Это былъ очень извѣстный московскій капиталистъ, глава какой-то партіи, ораторъ и мужъ совѣта. На немъ что-то покоилось, и къ нему принято было зачѣмъ-то обращаться. Онъ каждый годъ, раза два, пріѣзжалъ въ Петербургъ, былъ знакомъ съ сановниками и биржевыми тузами, и приглашался во всѣ тѣ коммисіи, труды которыхъ никогда не получали дальнѣйшаго хода. За границу онъ тоже частенько ѣздилъ, но зачѣмъ именно—трудно понять: все заграничное онъ рѣшительно осуждалъ, и находилъ, что даже климатъ въ Москвѣ лучше, чѣмъ гдѣ-либо. Онъ и теперь, глотая вмѣстѣ съ шампанскимъ удивительный воздухъ Ривьеры, это тончайшее сочетание горной чистоты и морской влажности, увѣрялъ, что въ Останкинѣ или Кунцовѣ дышется пріятнѣе.

— Серьезнѣе какъ-то у насъ климатъ,—говорилъ онъ.—Въ немъ, видите ли, и мягкость есть, и строгость. Нашъ воздухъ глотать, все равно, что материнское молоко пить.

— Отлично сказано!—подхватилъ съ одобрительнымъ смѣхомъ худощавый, съ выкрашенными въ черную краску усами господинъ, по фигурѣ котораго тотчасъ можно

было узнать отставного генерала.—Мастерски выразился Василий Провичъ.

— А вѣдь это именно наши два народные элемента: мягкость и строгость,—вставилъ третій собесѣдникъ, челоуѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ круглымъ лицомъ не то барскаго, не то бюрократическаго типа, выразившимъ смѣсь тонкой дипломатичности съ напускнымъ благодушіемъ. Онъ уже доѣлъ послѣднее блюдо, и сидѣлъ въ полъ-оборота къ обществу, глаза на постороннюю публику и раскачивая къ себѣ и отъ себя палку съ серебрянымъ набалдашникомъ.—Да, да, мягкость и строгость—это два чудныя начала, лежащія въ основѣ всего нашего устройства, семейнаго и общественнаго.

— Весь народный укладъ на нихъ держится, — подтвердилъ Василий Провичъ.—И климатъ у насъ тоже народный: мягкій и вмѣстѣ суровый.

— Что это, какія вы смѣшныя вещи говорите,—неожиданно вышлась одна изъ двухъ сидѣвшихъ тутъ дамъ.—Вѣдь если такъ разсуждать, то береза у васъ окажется лучше пальмы, потому что напомнитъ вамъ строгую отеческую розгу.

— Береза? Да это первое дерево въ мирѣ!—воскликнулъ Спѣсивцевъ.—Она даже и по красотѣ живописнѣе вашей пальмы.

— Вы торгуете березовыми дровами, что ли?—сказала дама, и засмѣялась, чтобы смягчить рѣзкость своей выходки.

Спѣсивцевъ въ душѣ обидѣлся, но не показалъ виду, и посмотрѣлъ на даму ласково-согласительнымъ взглядомъ.

— Очень ужъ вы къ заграничнымъ привыкли,—отвѣтилъ онъ.

— Не раскаяюсь,—подтвердила дама, улыбувшись красивыми, немножко крупными губами, съ замѣтнымъ темнымъ пушкомъ надъ ними и крошечной родинкой на уголкѣ рта.

Ее звали Еленой Дмитриевной Глыбовой. Мужъ ея, большой дѣлецъ, директоръ крупнаго промышленнаго предприятия и миллионеръ, находился теперь въ Петербургѣ, и долженъ былъ прѣхать за нею въ концѣ сезона. Она жила въ Ниццѣ съ девятилѣтней дочкой и гувернанткой, занимала предстную маленькую виллу, и считалась одной изъ самыхъ элегантныхъ представительницъ русской колоніи. Ей было тридцать лѣтъ, но лицо ея сохраняло слѣды свѣжести, и вся она носила отпечатокъ той милой, влекущей прелести, какою обладаютъ только очень молодыя женщины.

II.

Великолѣпнаго вида гарсонъ подаль ликеры и фрукты. Генераль съ накрашенными усами смотрѣлъ на этого гарсона съ какою-то злобною насмѣшливостью, точно рѣшалъ въ умѣ:—«а что, еслибъ ему да вдругъ крѣпкое словцо загнута?»

— Вотъ, полюбуйтесь,—обратился онъ ко всѣмъ вообще:—самая настоящая квинт-эссенція западной цивилизаціи. Кожа, у каналы, какъ у женщины тонкая, да розовая, усики какъ у гусарскаго корнета, фракъ, какой у насъ полтора рубля стоитъ, а въдъ лакей, хамъ; бросьте ему два мѣдныхъ су, онъ въ жилетный карманъ спуститъ и «merci, monsieur!» скажетъ; а попробуйте ему, напримѣръ, рожу горчицей смазать, такъ въ тюрьму васъ засадитъ. Правильно это, я васъ спрашиваю?

— Кто же лакеямъ рожу горчицей мажетъ?—возразилъ круглолицый господинъ, по фамиліи Толченовъ, директоръ и тайный совѣтникъ. Въ его голосѣ какъ бы даже брезгливость послышалась.

— Нѣтъ, я разсуждаю принципиально,—продолжалъ генераль.—По-моему, если ты хамъ, такъ и держи себя хамомъ, и ситуанское-то свое достоинство оставь. А то, изволите видѣть: на водку ему подай, а говори съ нимъ

на «вы». И добро бы въ самомъ дѣлѣ честный гражданинъ былъ, а то въдъ дрянъ, жуликъ; въ душѣ ни Бога, ни совѣсти нѣтъ, всякія развратныя мерзости дѣлаетъ...

— Да почему вы знаете?—вскричала другая дама, очень недуренькая брюнетка небольшого роста, съ пухленькой, немного приподнятой верхней губой, придававшей, вмѣстѣ съ коротенькимъ носомъ, нѣсколько задорное выраженіе всему лицу.

Она только недавно вышла замужъ, и проводила въ Ниццѣ свой медовый мѣсяцъ. Ея мужъ, Эсперъ Петровичъ Варваровскій, тучный блондинъ лѣтъ сорока-пяти, совершавшій бойкую служебную карьеру подъ покровительствомъ своей воспитательницы княгини Троевъровой, извѣстной ханжи и благотворительницы на чужіе деньги, присутствовалъ тутъ же.

— Кто же этого не знаетъ?—возразилъ генераль.— Вся Франція, въ сущности, вотъ изъ такихъ гарсоновъ состоитъ. Общее растлѣніе, вырожденіе; распутство какъ образъ жизни. Ни у кого ни Бога, ни чести въ душѣ нѣтъ. Поганые трусишки, крикуны, блажеры. Послушать ихъ—первая нація въ мірѣ; а поставь ихъ снова подъ прусскія пули—опакостанся хуже, чѣмъ въ тотъ разъ.

Молчавшій до тѣхъ поръ Варваровскій взглянулъ на жену и на Елену Дмитриевну, какъ бы желая убѣдиться, не смущены ли онѣ выраженіями генерала; но, не замѣтивъ на ихъ лицахъ ничего особеннаго, проговорилъ тономъ убѣжденія:

— Совсѣмъ пропащій народъ.

— Да ужъ чего лучше, когда они только и дышать стали съ тѣхъ поръ, какъ явилась надежда на военное заступничество Россіи,—продолжалъ генераль.—Батюшки мои, какъ обрадовались! Только-что не говорятъ: спасите, молъ, насъ отъ нѣмцевъ, а мы въ это время будемъ паскудничать и подлыя шансонетки пѣть. И въдъ что противно: самолюбіе при этомъ величайшее. Ну, если